

— О чем думаешь?

Чужой голос прорезает тишину, в нем слышится интерес и переживание. Дракон садиться рядом со мной на траву, пока все остальные спят у костра. Мы ехали на протяжении всего дня, такими темпами окажемся у шахт даже быстрее, чем хотелось бы. Дежурить решили по очереди, но эти двое, слабые и беззащитные, не станут в этом участвовать.

— Ты можешь спать, сейчас моя очередь.

— Да, ты прав, — взгляд падает на клинок в моих руках, сам он притягивает к себе ноги и обхватывает их своим хвостом. — Что случилось?

— Все нормально, почему ты спрашиваешь?

— Чувствую...

На меня он больше не смотрит, как и я на него. Наши взгляды устремлены на небо, где плывут тяжелые облака. Скоро сезон дождей. Мы находимся в лесу, среди елей и ёлок. Изменения в погоде можно заметить только на траве, которая пожелтела или местами вообще пропала. На наших телах теплые накидки, но даже они пропускают прохладный ветер, позволяя мурашкам покрыть тело.

— Если сидеть на месте, то теплее не станет, ты знал?

— Что тебе надо? — теперь уже я поворачиваю к нему голову, все еще прокручивая клинок в руке.

— Утром у тебя болела голова, я переживаю.

Он не задает вопрос напрямую, не поворачивается ко мне, но дает возможность начать отвечать самому. Мы не шепчемся, наша компания лежит на холодной земле далеко от нас, они укрыты теплыми пледами и видят сны. Вещей мы взяли немного, но зато каждый меня послушал и взял теплую одежду, о еде уже пришлось позаботиться самостоятельно. Из-за этих проблем, заезжать в деревни, в поисках пищи не хотелось бы, да и как бы это было? Два принца, без охраны, разгуливают по разным деревням, собирая пищу. Как будто их бросили, как будто король остался без защиты. Как будто его можно лишить еще двух сыновей.

Я помню маленьких сестер, которые успевали родиться после меня, но ни одна из них не смогла выдержать метки. После смертей собственных дочерей, королева стала избегать, раздражаться и не питать ко мне приятных чувств. Конечно, один единственный маг в королевской семье и не от нее. Возможно, я бы тоже переживал. Я бы тоже не любил себя. У нее есть причины меня ненавидеть.

— Что ты заешь о магах, таких как я? — я протягиваю свои руки, намекая на татуировки, которые все еще находятся на моем теле, пусть и скрыты от чужих глаз.

— Я знаю о детях, которые умирали на руках своих матерей. Знаю о тех, кто поборол метку и от кого отказались. Знаю также о тех, кого она изменила, испортила. Какие из них тебе интересны?

Он, наконец, достаивает меня взглядом, руками обнимает колени и кладет на них голову. Взгляд у него грустный, он скользит по моему лицу, но на руки даже не падает. Не мудрено, что многие дети с такими метками сходят с ума или меняются. Те, кто умеют воскрешать

мертвых, часто теряют свою личность, оставаясь пустой оболочкой. С другими метками дела обстоят иначе. Например, у кого они появились на горле, умеют хорошо уговаривать или заставлять остальных что-то делать. Их часто слушают и доверяют. Метки на спине считаются одними из сильных, они помогают владельцу обрести разрушающую магию, таких боятся или поклоняются им.

— Мне интересны все.

О таких метках на руках, как у меня, не болтают, потому что их владельцы умирают или сходят с ума. Рано или поздно, это коснется и меня.

— Чем больше такой маг воскрешает, тем больше он теряет себя. Ты сам знаешь, что воскрешение притягивает, манит собой. Как и любая магия, — он молчит, давая мне понять его слова.

И я его понимаю.

Магия, как запретный плод. Если она есть, то почему бы ее не использовать? На темных эльфах, с самого их рождения, есть невидимые кандалы, которые всегда будут на каждом из нас. Даже другие маги, с другими метками, ведут себя ужасно. Разрушают деревни, идут одни против других. Для таких эльфов исход один. Мы как скитальцы, которые бывают везде, пробуют все, но никак не могут найти тот самый ключ, который освободит от оков и подарит магию.

— Эльф рождается, достигает возраста. Если ему повезет, то метки не будет, но если нет... Ты помнишь эту боль? Многие дети проживают ее, сжигают себя изнутри, пытаются ее содрать, не выдерживают, заражаются или еще чего хуже, не говоря уже о тех, кто просто отрубает им конечности, чтобы «защитить» своего ребенка.

Тут я тоже понимаю, родители не всегда знают, как облегчить боль своему ребенку, часто винят себя, но чтобы отрезать руки... Такое я слышу впервые. Да, боль невыносимая. Когда у меня была метка, мои руки горели. Я пролежал с температурой и в лихорадке дольше положенного, даже на мне были готовы ставить крест. Метка не прорисовывается сразу вся, она проявляется частями. После этого я ходил с повязками на руках, чтобы мазь могла хоть немного заживить раны. На какое-то время, всего пару дней, боль могла отступить, а после начать проявляться снова, уже с новой волной боли. Я знаю, что у других метки могут проявляться и дальше, даже во взрослой жизни, если развивать свои «таланты». Только не все эти таланты выдерживают. Даже будучи взрослым, сильным и здоровым, можно умереть от этого проявления, не говоря о слабых детях.

— Я знал одного эльфа, — кажется, он понимает, что я копаюсь в себе и решает начать другую историю. — Он тоже умел воскрешать мертвых, но старался держаться от этого подальше. В какой-то момент у него не было выбора, он воскресил свою жену. Поняв, что это лишь часть магии, которую он успел попробовать, ему стало мало. Он читал много литературы, книг, пытался узнать больше.

Ворон делает паузы, как будто вспоминает все детали. Мне хочется поторопить его, но я молчу, ведь это его история. Может она и приносит ему боль, но он все еще ее помнит. Когда получается довести магию до идеального использования, становится не интересно. Этого мало и хочется большего. И так бывает не только с магией.

Молчание затягивается, я понимаю, что он ждет моего вопроса или реакции, но я лишь слушатель, а он рассказчик, который смиряется со своей работой и продолжает.

— Ему было мало, понимаешь? Он узнал, как продолжить развивать свой дар. И он развил свою метку дальше, она уже покрывала его руки полностью, оставляя только ладони без узоров. Этот эльф стерпел боль, пережил ее снова, но утратил тот блеск в глазах, который всегда с ним был. Чем больше ты откроешь, тем больше тебе будет. Через какое-то время, он смог воскресить всю свою семью. Родителей, детей. Он запечатал их души в клетках мертвых тел, держал их при себе, как на цепях. Заставлял играть в его милую игру. Он стал безумным, души застряли с ним, но никак не могли ему помочь. С продвинутой меткой появились возможности, но не его сила. Удерживать всех долго не получалось и он просто потерял себя. Как думаешь, души его родных, запечатанные вместе с ним, что испытывали? Что стало с ними?

Он будто рассказывает мне сказку, но сам и бровью не ведет, только наблюдает за моей реакцией. А как мне реагировать? Да, истории не из приятных, но он ведь не думает, что это должно меня хоть как-то задеть?

— А что происходит с тем, кто потерял себя?

— Он теряет контроль. Души, которые он держал, были злы, ведь они хотели свободы, а обретя ее, забрали его с собой.

— Он убил себя?

— Нет, это сделали души его родных.

Повисает пауза. Да, история интересная, он явно считает, что я должен ее понять, перенять на себя, вот только... Я не собираюсь терять самого себя, ведь единственный за кого я могу держаться это я сам, не считая Ворона.

— Если в один день тебе станет мало... Не сходи на этот путь, — он смотрит на меня, взгляд его полон решимости. — Потому что я не пущу тебя на него одного.

— Я не собираюсь этого делать.

— Ты говоришь это сейчас. А что будет потом? Что станет с тобой?

— Утром я слышал чей-то крик, — я не могу держать это в себе, Ворон настораживается. — Не знаю, что это было. Это было громко, непонятно и только в моей голове. Вы же ничего не слышали.

— Скоро ночь призраков, возможно, это на тебя тоже действует?

Я и забыл. Каждый год отмечается праздник, который поддерживает мертвых. В эти дни мы стараемся вспоминать самые приятные моменты, ходим на их могилы и даже проводим с ними время. Лично я считаю, что это слишком, но зато другие, те, кто приезжает к нам, позволяют с ними общаться, впуская призрака в свое тело, пусть и временно. Ох уж эти ритуалы и магия других существ. Каждый пытается вспомнить своих любимых, задержать их в живом мире.

— Не забывай, ты наделен не только меткой, но и магией. Ты уникальный, более восприимчив, особенно теперь, когда тебе приходится поддерживать ту эльфийку. Наверное, она тоже зла, раз ты не дал ей умереть?

И правда, ей было неприятно, но у меня не было выбора, поэтому мы пришли к компромиссу, как мне показалось. Вот только она не станет убивать меня, когда я потеряю себя. Не станет же? Я мотаю головой, чтобы выкинуть эти мысли.

На меня наваливается усталость за весь этот день. Я ничего не отвечаю, лишь позволяю Ворону и дальше сидеть и всех сторожить, прошу лишь, чтобы разбудил меня позже. Костер все еще горит, пусть и слабее, но тепло от него все еще исходит. Я решаю выбрать место чуть дальше от костра и так, чтобы дракон мог видеть нас всех. Накидка становится моей подушкой, а теплый плед всем остальным.

Я вижу своего брата, который перед сном слишком громко высказывался насчет сна на земле, как будто никогда этого не делал и королевская кровь не должна так себя вести, но все же... Теперь он спит напротив меня. Ему жарко, тело раскутано, пусть и немного, руки раскиданы в сторону, а если прислушаться, то можно услышать сопение. Он как маленький ребенок, беззащитный и слабый.

Ксанафия же спит иначе. Она тоже была не рада сну на земле, но все же, теперь спит спокойно. Тело расслаблено, волосы заплетены в косу, а лунный свет немного проявляет их бледно-зеленый оттенок. Я признаю, что эта девушка кажется симпатичной и отчего-то начинает занимать место внутри меня. Может, она и не так уж опасна, как говорит Ворон?

В конечном счете, я отворачиваюсь от них. Стоит лечь правильно, как тело расслабляется, а сон накрывает быстрее, чем хотелось бы. Мысли крутятся медленнее, в основном, о той сказке, где эльф не справляется с собой и умирает. Получится ли мне, вырасти с меткой на руках и не умереть так рано? Думать больше я не успеваю, глаза закрываются, на место мыслей приходит пустота и темнота.

Я просыпаюсь от чужого голоса, хочу перевернуться, лечь по другому, но не получается, все еще ворочусь в самодельной лежанке. Голос все еще что-то говорит, но я не понимаю. Он не дает заснуть, поэтому я сажусь, вокруг все также темно. Луна все еще видна на небе, тучи пропали, теперь оно ясное и чистое. Ворона вокруг нет. Отошел? Голос все не затихает, но я не понимаю, что именно он от меня хочет. Голова гудит, не соображает, хочется спать. Взяв клинок под подушкой, встаю и направляюсь к источнику этого странного голоса. На мне только штаны, да темная блузка, в темноте слиться будет легко, а найти дорогу обратно? Холодное оружие все еще держу в руке, чтобы наверняка.

— А если не придет?

— Придет! Придет!

Теперь голосов несколько и они принадлежат детям, которые возбуждены и чего-то хотят. Я убираю руку за спину, чтобы им было не так страшно. Не знаю, как далеко я ушел от костра, но тут тоже неплохо, где-то я даже слышу флейту, но никого не вижу. Деревья тут растут плотно, почти не видно неба, а лунный свет падает местами.

— Ты пришел!

— Да, пришел-пришел!

Я не вижу, но прекрасно слышу. Эти голоса такие странные и шумные, исходят сразу отовсюду, будто сам источник перемещается с большой скоростью, но я не понимаю почему. Что тут вообще могут делать дети? Разум возвращается, говорит, чтобы я уходил, но интерес берет вверх. Они говорят так странно. Вопрос задает один, а остальные эхом подхватывают и соглашаются. Есть кто-то главный в этой небольшой компании детей? Может, рядом деревня, а они решили побаловаться? Нет, мы сверяли карты, делали нашу поездку как можно дальше от жилых мест. Тут что-то не так.

— Ты будешь играть с нами, а мы ответим, как избавиться от метки?

— Да, поиграй-поиграй!

Я не понимаю, как они узнали про метку, но опускаю свой взгляд на руки, которые светятся узорами, даже через темную ткань блузки. Прятать мне ее больше не куда, вот и узнали.

— От нее нельзя избавиться. Кто вы?

Я слышу только смех, мотаю головой, вглядываюсь в темноту, но ничего нового не вижу, одни ветки. Наверняка это розыгрыш, нужно просто уходить, но ноги не хотят меня слушаться. А потом я вспоминаю, что метки просто так не горят, а магию я сейчас не использую. Может, все дело в этом месте?

— Избавиться можно от всего! Мы спрячемся, а ты нас найдешь! — голос кажется далеким, а после, будто шепчет мне в ухо. По телу бегут мурашки, но мне не холодно.

— Хороший розыгрыш, посмеялись и хватит, может, покажитесь?

На какой-то момент повисает тишина, я понимаю, что они думают над моими словами, но потом в один голос мне отвечают. Они раздражены, флейта затихает и перестает играть.

— Нет!

— НЕТ!

Я ищу их снова, но найти не могу, кручу головой, пытаюсь всмотреться в каждое дерево, за ними и даже на ветки, но ничего и никого не замечаю. С меня хватит, стоять тут всю ночь не хочется, поэтому я разворачиваюсь, слышу их вопросы про мой уход, но не обращаю на них внимания. Это всего лишь страшный сон.

— А хочешь, расскажем, кто убил ее?

Тело останавливается, им получилось меня заинтересовать. Часть меня хочет узнать, а другая желает быстрее бежать отсюда. Разве дети могут знать про Ирме или о том, чего мне хочется? Я смотрю себе под ноги, взгляд туманится, я вспоминаю, как совсем недавно воскрешал свою подругу, которая теперь со мной связана. Нет, они не могут знать.

— Он заинтересовался, заинтересовался!

Слышится смех, который уже раздражает, и я поддаюсь эмоциям. Разворачиваюсь, провожу рукой по воздуху, будто пытаюсь отстоять что-то, но вижу лишь темноту.

— Прекратите! Это не смешно!

— Никто не смеется, ты просто не хочешь слушать!

Но они начинают продолжать, все говорить и говорить. Иногда говорит кто-то один, а потом снова все вместе. Когда речь доходит до убийцы, я закрываю свои уши, но получается плохо, ведь в руках все еще сжимаю клинок. Я слышу, как они говорят, что этот кто-то тоже здесь, кто-то рядом и мне нужно только присмотреться, но я уже не слышу, пытаюсь уйти, убежать. Все это так странно, в голове каша, а впереди только деревья и смех в моей голове. Ощущение беспомощности и отрицание гонит меня дальше, я не смею останавливаться. Все это вранье, Ирме не убивал никто из нас, но все говорят иначе. Не верю.

Не верю.

Я бегу так быстро как могу. Голоса затихают, а я сам во что-то врезаюсь. Чужие руки хватают меня за плечи, но я не понимаю. Мне страшно, ничего не видно и я делаю то единственное, что может спасти мне жизнь — пытаюсь обороняться. Сбрасываю с себя чужие руки, а после прижимаю тело к дереву, пытаюсь взглядеться, но ничего не вижу, будто мое зрение и разум затуманены. Клинок все еще прижат к чужому горлу, и я готов поспорить, что слышу чужой пульс, волнение и даже голос, который не сразу до меня доходит.

— Я знаю, ты никогда не причинишь мне вреда, все хорошо, успокойся.

Этот голос моего друга, но кого? Все еще чужой, не мой, опасный. Я мотаю головой, чтобы все эти мысли пропали из моей головы и это помогает. Мне лучше. Теперь туман пропал, я вижу своего дракона, вижу все вокруг и слышу, как он пытается меня успокоить, вот только... Почему-то на его шее едва заметная ранка, будто я все же поранил его. Но я не помню. Почему не узнал его сразу? В горле стоит ком, в голове все та же каша. Отхожу чуть в сторону, роняю клинок на землю и сам же падаю на колени, держась за свою голову. Собеседник делает также, но только руками, касается моих, пытается понять, что-то говорит, а я не слышу. Вижу, что все еще темно, все еще ночь, но сколько прошло часов? Это не важно, что-то произошло. Что-то, чему я поспособствовал.

— Эй, все хорошо, слышишь? — он прижимается ко мне лбом, как это позволяют его рога, пытается придержать меня за руки, но они только сильнее трясутся.

— Я не понимаю...

— Все хорошо.

Он дарит мне свои объятия. Мы сидим так какое-то время, но лучше не становится. Я лишь убираю этот случай куда-то далеко в себя, чтобы не вспоминать или надеяться, что это всего лишь страшный сон. Начинаю щипать себя, чтобы проснуться, но Ворон не дает делать и этого.

— Мне страшно. Ворон, мне так страшно.

— Ты паникуешь, дыши, все хорошо. С тобой все хорошо, — он чуть отодвигается, всматривается в мое лицо.

— Ничего не хорошо...

Он не отвечает, только смотрит с сожалением, болью, но поддержкой. Я знаю, что он не бросит меня. Всматривается в темноту за мной, отчего некомфортно. Я пытаюсь встать, он меня поддерживает. Оставаться тут не хочу, холодно, шумно и неприятно. Приходится взять себя в руки. Он не спрашивает о том, что случилось, чему я благодарен и может, когда-то обязательно расскажу сам, но не сейчас. Мысли снова крутятся, проигрывая раз за разом то, что случилось. Сейчас это кажется не таким страшным, просто голоса, но почему же мне так некомфортно от них?

Мы возвращаемся к костру. Там все также. Брат и Ксанафия спят, лошади стоят неподалеку, костер почти догорел, вот только теперь рядом с ним лежит несколько новых палочек. Вот почему его не было, когда я проснулся. Он ходил за ними, чтобы не дать огню погаснуть, но закинуть их не успел. Не решаюсь садиться рядом с костром или пытаться уснуть, просто возвращаюсь к тому дереву, где сидел до этого. На земле прохладно, тело все еще немного дрожит. Ворон принес плед, постарался укрыть меня, следя, чтобы каждая моя часть была в

тепле, но мы оба знаем, что эта дрожь не из-за холода. Его как раз и не замечаю. Приходится поджать к себе колени и уткнуться в них, так лучше. Я замечаю, как он кидает в дрова веточки, и задаюсь вопросами. У него было столько вариантов начать свою жизнь в другом месте, но сам решил продолжить и связать жизнь со мной, не говоря четких причин. Да, мы с ним сразились, но это не значит, что можно провести жизнь вместе. Возможно ли, что у него есть скрытые мотивы? Раньше я не задумывался об этом. Он всегда оберегал меня, как старший брат или отец, как друг. Даже сейчас это делает, так почему я позволяю мыслям грызть меня на этот счет.

Другие на его фоне спокойно спят, даже не подозревая о том, что случилось. Взгляд ненадолго задерживается на брате, и я понимаю, что должен быть сильным ради него, но сейчас не могу взять себя в руки, нужно время.

И Ворон дает мне это время. Сам он одет в темную одежду, поверх все такое же темное кимоно. Взгляд у него суровый, холодный и отстраненный. Только хвост выдает его волнение. Какого это, контролировать все, кроме хвоста, что так похож на кисточку. Его вид чуть смешит меня, и я невольно улыбаюсь. Мы встречаемся взглядами, но между нами будто прошел немой диалог, в котором он спрашивает меня о состоянии, а я вновь и вновь говорю, что все хорошо. Сейчас он выглядел страшным чудовищем, у которого в темноте горят красные, как кровь, глаза, но сам он был самым верным и милым существом, которое я когда-то знал. Его внешность и отношения ко мне так противоречат.

Вскоре он присоединился ко мне, сел рядом, соблюдая тишину. Зная, что поддержать меня может только своим присутствием, что и делал. Не знаю, как дракон переносит холод, потому что он не жалуется и не укрывается. Он знает меня без слов, отчего весь страх и тревога в моей груди рассасывается и мне становится легче.

— Спасибо, — говорю я, с искренностью в голосе.

— За то, что открыл взор на спящую девушку? — он улыбается, смотрит на меня какое-то время и знает, что я не об этом. — Пожалуйста.

Но девушка за ним и правда красивая. Теперь уже она спит на спине, как и Мелуи, раскинув руки в стороны, вот только плед все также при ней. Стоит признать, что в ней есть что-то, что меня привлекает. Я просто не понимаю, что именно.

— Какой план?

Понимая, что я не отвечаю, он чуть толкает меня в плечо и ждет моего ответа. Я не знаю что сказать, не знаю, чем выйдет наша небольшая операция на эту шахту. Кажется, он видит мое замешательство.

— Я про шахту. Как ты собираешься улаживать это дело? Тебе нужно было остаться в замке...

— И пойти против отца? Нет.

Да, Ворон пробыл у нас долго, но он не знает, что отец делал со мной до того, как я вырос. Он меня не поймет.

— Он переживал, когда ты уснул. Я бы даже сказал, что не находил себе места, понимаешь? Может, он мог бы...

— Что? Любить меня? — я усмехаюсь, понимая, что отец и любовь это вещи не совместимые. —

Ты ошибаешься, он умеет играть роль короля, да и только.

Мы вновь молчим. Эта неловкость и напряжение, которые повисли между нами, немного давят, но никто не собирается вновь говорить. Мы молчим до того момента, пока это напряжение не начинает раздражать, но раздражает, видимо, только меня. Сам он не спешит делать первый шаг, поэтому его делаю я.

— Мелуи надеется поговорить с ними, там, в шахте. Ты же знаешь, что большая часть там — эльфы. Все они на добровольной основе, за заработок и веру в будущее, а другие... Ну, они заслужили. Кто-то убивал, кто-то воровал, поджигал и все в этом духе. Другие народы попали туда за дело, возможно, именно они и стали подстрекать наших. Поэтому сначала мы их слушаем.

Он не отвечает, не сопротивляется, только молча соглашается. Мне этого хватает, потому что я знаю, что он меня поддержит. Небо все еще ясное. Я невольно пытаюсь найти на нем то созвездие, которое теперь есть на моей груди, но не замечаю его. У меня остается всего один вопрос, который я не понимаю, но на который мне никто не ответит, поэтому я задаю другой, но тоже интересующий меня.

— Мои метки... Они горели, когда ты меня там встретил? — я молюсь, надеюсь услышать отрицательный ответ, потому что мне страшно услышать да.

— Да, — он замолкает, глядит в мою сторону, а я чувствую тяжесть его взгляда. — И я не видел раньше, чтобы они так ярко горели, когда ты не используешь собственную силу.

Сердце стучит быстрее, и я чувствую, как оно начинает ломаться. Лишь понемногу, но на нем появляются трещины. Что же со мной теперь происходит? Я теряю себя или это все из-за приближающегося праздника? Никто не успевает рассказать, как он потерял себя, потому что они умирают и рассказывать некому. Все еще дрожу, плед не помогает успокоить мое тело и нервы.

— Но это еще не все. Я также не видел, чтобы ты сам менял цвет своих глаз.

— Я не понимаю, — теперь мы смотрим друг на друга, Ворон пытается подобрать слова, чтобы было не так больно.

— Они были черными, без радужки и всего, лишь тьма.

Не такого ответа я хотел услышать, особенно зная, что мои глаза всегда были голубыми, а не черными. Я закрываю их, облакачиваюсь на ствол дерева и просто думаю. Сохранить бы эту тайну, чтобы больше никто не знал. Ворон не станет болтать об этом, до тех пор, пока не начну говорить я, а значит, тайна так и останется между нами.